

Барон фон Хармель

**В МОСКВЕ
У ХАРИТОНЬЯ**

Барон фон Хармель В Москве у Харитонья

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22815322

В Москве у Харитонья. / Барон фон Хармель.: Человек; Москва; 2010

ISBN 978-5-903508-72-3

Аннотация

Барон фон Хармель – псевдоним скромного, но несомненно талантливого, начинающего писателя. Он пишет о детстве, юности, которые он провел в Москве на Чистых прудах, о жизни в Израиле, куда уехал уже взрослым человеком, окончившим два московских технических ВУЗа. Герои его новелл – школьные друзья, девушки, которых он любил, интересные люди, встречавшиеся на его жизненном пути. Новеллы фон Хармеля отличает неподдельная искренность, ностальгия по старым добрым временам и, конечно, хороший образный язык.

Содержание

Женская логика	4
Обед у народного артиста	9
День Победы	13
Крюк дяди Вани Пушкиова	15
Мишка	29
Цветы в Иерусалиме	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Барон фон Хармель В Москве у Харитонья

Моей маме посвящается

История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно... когда она написана без тщеславного желания возбудить участие или удивление.

М. Ю. Лермонтов

Женская логика

История эта случилась несколько лет назад, и в известном смысле она характерна и показательна. Я только-только вышел из жгучего страстного романа, который мог бы закончиться женитьбой, если бы не одиннадцатилетняя дочь моей подруги. Девочка ну никак не желала, чтобы мама выходила замуж, и ей хватило воли и хитрости маму из отношений со мной вывести. Как обычно это случается с одинокими мужчинами, я решил найти себе женщину и прибегнул к услугам Интернет-сайта знакомств. Будучи по классификации академика Ландау типичным фигуристом, в анкете я смотрел не на фото, а на соотношение роста и веса. Как только соотно-

шение параметров казалось мне подходящим, я отправлял сообщение. Через несколько дней начались встречи. Одна из них, с неким существом по имени Надя, оказалась вполне продуктивной.

Девушке было двадцать восемь лет, была она из одной из братских республик, которая стала независимой страной. По-русски говорила без акцента и вела себя вполне пристойно, а именно: в основном помалкивала и говорила «спасибо». К достоинствам её надо отнести, что никакими глупостями вроде трамвая, который она ждёт, Надя не занималась. В первый же вечер после ужина отправилась пить ликёр ко мне домой. Единственное, на чём она стояла твёрдо, это на том, что при несовместной жизни секс должен быть в скафандре. На моё заявление, что я это дело не очень люблю, Надя улыбнулась и заявила, что всё будет хорошо. И было, и столько раз, сколько встречались – не прибегая ни к каким особым ухищрениям и не выдумывая никаких немислимых поз и прочего в таком духе, Надя прекрасно справлялась со своими обязанностями. И вела она себя очень хорошо, не мешала мне заниматься своим делом и всегда находила себе занятие и место в огромной квартире в центре Москвы, где я проживал тогда с племянником.

Шло время. Мы с племянником настолько привыкли к Наде, что перестали её замечать. Она готовила нам вкусные ужины, ходила в магазин, убирала квартиру. Главным её достоинством было то, что она всегда пребывала в хорошем на-

строении и всегда была готова заниматься сексом. Нет, она не жила у нас постоянно, но когда хотела, оставалась ночевать. Разумеется, я делал ей подарки. Часто она сама говорила, что она хочет, и ей немедленно это покупалось. Её потребности и интересы никогда не выходили за пределы моих возможностей. Будучи профессиональным бухгалтером, она имела какое-то утробное чувство денег и их применения.

В один прекрасный вечер, дело было теплой осенью, Надя как обычно позвонила сказать, что она выезжает с работы, и я пошёл её встречать к метро. Она вышла какая-то не такая, сама не своя. Глаза горели, обычно аккуратно причесанная, она была взъерошена, неопрятна, в помятой кофте, и мне показалось, что от неё пахнет алкоголем. Мои попытки разобраться, в чем дело, к успеху не привели. Шла она быстро и молча. Дома по своему обыкновению махнула ноги в тапки и отбыла в душ. Через пятнадцать минут явилась на кухню, села в кресло-качалку и закурила. Попросила налить ей виски безо льда и начала говорить. Говорила очень быстро и связно, что привело нас с племянником в состояние грогги. Мы считали ее слегка пришибленной и в речевом отношении довольно убогой. Но что она говорила! Мы жалели, что не включили магнитофон и не записали эту тираду. Смысл сводился к тому, что она всю себя отдала нам, дому и заботе о нас, сырых и убогих, а мы такие-сякие, водим баб, когда её нет дома. Смотрела она в основном на племянника и говорила всё это ему. Бедный Фил въехал с ногами и руками

всем своим утлым телом в стул. И периодически прерывал её словами: «А чего ты мне-то говоришь? А что я-то?» Потом поворачивался ко мне и стрелял в меня фразой: «Я с ней не спал, я её не трогал, ни разу», – потом опять ей: «А чего ты мне-то, а я-то что?»

Надя закончила, встала во весь рост, халат распахнулся и съехал с её очень красивого, стройного тела. Бедный Фил совсем ушёл в стул, а Надя, не запахивая халата и продемонстрировав нам багровую томность своих сосков и узкую полосу неба между ног, продефилировала в спальню и закрыла за собой дверь. Мы оба решили, что она навеселе, утром протрезвеет и всё пойдёт своим чередом. Сели за свои ноутбуки и продолжили ковыряться в Интернете. Вдруг дверь из спальни распахнулась, оттуда вышла одетая и причесанная Надя и со словами: «Я НЕ ПОЗВОЛЮ СЕБЕ ВРАТЬ», вышла из квартиры, громко хлопнув дверью. Стоит ли говорить, что её больше никто никогда не видел и не слышал. Свою сим-карту она закрыла, а где она работает, я не знал. Ехать к ней домой и дожидаться, когда она выйдет утром на работу или придёт с неё вечером, охоты не было, мне показалось это унижительным.

Прошло время. Я ужинал с друзьями в «Гудмане» на Тверской. Как всегда было вкусно и уютно. Звонок на мобильный. «Привет, это я, Надя. Выйди из ресторана, я стою у входа». Я вышел. Она очень хорошо выглядела. Немного поправилась, но ей это даже шло. Округлились грудь и бед-

ра. Она улыбалась. «У меня всё хорошо, я замужем, родила дочку Дашеньку. Если хочешь, можем продолжать». «В скафандре? – спросил я. «Разумеется!» – ответила Надя. «Большое спасибо» – сказал я и вернулся в ресторан.

Вот такая вот женская логика. Хочу заметить, что я не ангел и не святой, но в период отношений с Надей других женщин у меня не было. Она была прекрасной любовницей. Ласковой и горячей одновременно, она умела получать наслаждение и давать его партнеру.

Обед у народного артиста

Вспоминается случай из зрелой переделкинской юности. Обед у известного советского артиста, Народного артиста СССР с очень нерусскими фамилией, именем и отчеством. Глава семейства на очередных гастролях за границей. Вот-вот должен вернуться, и в благородном семействе беспокойство: на все подарки денег явно у папы будет недостаточно. За столом несколько нервно. Присутствуют: жена Народного артиста, настоящая русская красавица, к тому же певица, слегка располнела, но по-прежнему хороша собой, улыбчива и всегда очень приветлива, особенно за воротами переделкинской дачи. Она дружит с Элиной Быстрицкой (Анисья из «Тихого Дона» и Лушка Нагульнова из «Поднятой целины») и с Ириной Скобцовой (Элен Безухова в «Войне и мире», и она же жена Сергея Фёдоровича Бондарчука), которые частенько наезжают к Народному артисту на дачу пообщаться с его женой и выпить по маленькой французского зелёного ликера «Шартрез». Кроме жены Народного артиста за столом её матушка, в прошлом малоизвестная провинциальная драматическая актриса, которая в кино не снималась, и два сына Народного артиста, из которых старший, бодро пойдя по стопам отца, еще раз подтвердил мысль о том, что во втором поколении талант отдыхает, а младший – очень худой и очень-очень некрасивый, но веселый и остроумный парень

лет пятнадцати. В этой кампании пребывает и ваш покорный слуга. Причина тому, разумеется, не в моей дружбе с сыновьями Народного артиста, а в положении, которое занимал мой отец.

Скучное однообразие обеда нарушает возглас младшего сына Народного артиста, обращенный к бабушке: «Бабушка, бабушка, а ты, правда, в молодости в театре шлюху играла? Правда?» За столом возникает известное напряжение, потому что в доме усилиями жены Народного артиста наводится бомонд, и Букингемский дворец с богемским хрусталем и прочими антиквариатами, картинами, столиками и «фабержами». И вдруг такие слова. Бабку прорывает фальцетом, и с жутким визгом она кричит на внука: «Как ты смеешь, как можно! Сколько раз я тебе говорила, не проститутку, а девушку лёгкого поведения. Нахал малолетний!» Тут младший сын Народного артиста, видя, как мы со старшим давимся от смеха, почти падая под стол, добавляет: «Бабушка, ну что ты сердишься, какая разница, каким словом назвать, если папа, поскорее бы он приехал, мои джинсы уже по всем швам разъезжаются, папа не раз и не два нам с братом говорил, что ВСЭ БАБИ БЛАДЫ и НЫКОМУ ВЭРЫТ НЭЛ-ЗА», – произносит младший сын Народного артиста, вполне натурально изображая ужасающий акцент, который Народному артисту не удавалось скрыть даже во время публичных выступлений на сцене.

Понятно, что за столом начинается грандиозный скандал

с киданием на пол тарелок и угрозами. Бабка, вспомнив революционное прошлое репрессированного мужа, комдива О...ва, орёт: «Вот, я догадывалась, откуда всё это идёт. Какое воспитание получают дети, что им внушают? А эти бесконечные джинсы, пояса с железками, майки с надписями! В мое время мы зачитывались «Капиталом» Маркса, а что читает нынешняя молодёжь? Булгакова, Солженицына и Пастернака – это же сплошная антисоветчина. Клевета на нашу Родину и наш строй. А эти журналы с обнаженными гениталиями! Нет, так жить нельзя, я завтра же уеду к своей сестре в Куйбышев. Если бы Виктор знал, что с этим со всем будет (руки театральным жестом вздымаются вверх)». «То, возможно, наш дед выступил бы за белых и мы бы жили сейчас в Париже или Сан-Франциско и не ждали бы, пока отец привезет джинсы оттуда», – вставил младший сын Народного артиста пару слов в бабкину революционную тираду «Твои джинсы, дорогой мой, а также пояс и всё, что привезёт отец, я отправлю твоим друзьям», – заявляет мать, ласково глядя в мою сторону.

Обед закончен, мы выходим на крыльцо, и я угощаю всех хорошими гаванскими сигарами. «Не дрейфь, Арчи, – говорю я. – «Отдам я тебе все шмотки, если они попадут ко мне, и, уверен, так поступят все ребята, а в театральном надо идти тебе а не А...ку, талант-то, похоже, у тебя». «Нет, моего таланта мало. Посмотри на мою внешность, на моё лицо. Кого я буду играть – Квазимодо?» – отвечает Арчи, и мы вкус-

но тянем гаванские сигары. Что правда, то правда, пластическая хирургия тогда еще не была так развита как сейчас, а Народный артист называл своего младшего сына с оттенком отцовской теплоты и ласки не иначе как «ТИ МЁЙ АБЭЗЪ-ЯНЫН ДЁРЁГЁЙ».

День Победы

С праздником Вас, уважаемые! С настоящим праздником, С ДНЁМ ПОБЕДЫ, с 9-м МАЯ. Хочу рассказать тем, кто читает меня, такую историю.

Сопливое и благополучное детство моё и юность помнят время, когда 9-е Мая было рабочим днём. Нет, это, конечно, не мешало несчастному нашему, битому-перебитому и чужими, и своими народу выпить от всей души, от всего сердца за Победу. В ту пору ветераны еще были живы всюду, отец мой еще служил в армии и был полковником бронетанковых войск и командиром отдельной механизированной бригады под Москвой. Но на праздники мы всегда приезжали в Москву к бабушке с дедушкой, и отец ходил со мной гулять на улицу, на Чистые пруды.

Это был особенный день, когда отца вдруг останавливали на бульваре чужие люди, а в этот день все были на ты, и говорили: «Полковник, ты войну прошёл, значит давай с нами фронтовые сто грамм». И отец мой, который пить не умел и не любил, эти фронтовые граммы из граненого чужого стакана безропотно глотал. Военные в этот день друг другу честь не отдавали. Много было отставников, форма у них была не по размеру и не по уставу. В общем, отдыхал город. Гармошки, фронтовые песни, люди плясали. Милиция никого не трогала. И вдруг – умирать буду эпизод этот не забуду

– мой прихрамывавший отец (военная травма, бронетранспортер задел ему бедро, и плохо залечили) и не только он, весь бульвар встал во фронт. Какой-то маленький невзрачный человечек, в поношенном костюме, не очень опрятный и очень пьяненький, подошел ко мне, взял меня на руки и громко крикнул на весь бульвар: «Вольно, товарищи командиры и бойцы!» «Спасибо тебе, солдат, за всё спасибо!» – сказал отец, забирая меня у маленького, пьяненького человечка. «Всё путём, полковник, всё нормально. Ты смотри там, служи хорошо, чтобы вражьи американцы на нашу Родину не напали, мать их».

Когда я очутился рукой в руке отца, мне было сказано: «Сынок, ты побывал на руках у полного кавалера всех солдатских орденов Славы. Постарайся не забыть это». Я не забыл. Я пытаюсь объяснить своему сыну, который живет в Торонто, что войну выиграла не англичане с американцами и не товарищ Сталин и маршалы Советского Союза, а вот этот русский солдат, который держал меня на руках.

Крюк дяди Вани Пушкиова

*Синий лед...
В жарких схватках раскаленный лед...
Парни в шлемах, словно пять ракет
Летят вперед, чтоб у чужих ворот
Зажечь победы свет!*

*Вьется над нами
Ветер как флаг, ветер как флаг!
Мы пишем коньками
Песни атак!*

С. Гребенников, Н. Добронравов

*Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..*

Давид Самойлов

60-е годы XX века. В памяти старшего поколения немедленно всплывает Политехнический музей, совсем молодые Евтушенко и Вознесенский. Окуджава с гитарой и протяжным голосом. А для нас, мальчишек тех лет, 60-е – это хоккей. Ещё не приехали к нам канадцы и наша сборная не побывала там. Ещё нет Харламова, Петрова и Михайлова,

Александра Якушева, Шадрина и Мальцева. Это время Тарасова, Чернышева и Боброва. Локтев, Альметов, Александров, Старшинов, братья Майровы, Коноваленко, Зингер, Виктор Блинов, Виктор Якушев. Это время, когда хоккей наш вставал на ноги, когда формировалась наша хоккейная школа, наша манера игры. Это было время, когда живя в центре Москвы, будучи мальчишкой из московского двора, нельзя было не уметь кататься на коньках и играть в хоккей. Наверное, так же, как до войны нельзя было не уметь играть в футбол. В футбол мы тоже играли, но игрой № 1 тогда в Москве несомненно был хоккей с шайбой. Даже детские дворовые чемпионаты начали разыгрывать, и назывались они «Золотой шайбой».

Это было время открытых катков, дворовых хоккейных коробочек и дворового снаряжения, потому что в магазинах «Спорт» нельзя было купить ничего. Шаром покати. А тренеры не брали в секции нулевых. Они ходили по дворам и брали мальчишек, которые уже неплохо стояли на коньках, умели бросать шайбу, держать зону. И было, поверьте мне, было из кого выбрать. В каждом дворе, в каждой школе, в каждом классе были свои звёзды, свои будущие Мальцевы, Якушевы и Харламовы. У нас во дворе был Володька Хряпов по кличке Хряп, который играл так, что, думаю, и Тарасов и Скотти Боуман, увидев такого мальчика на льду, очень бы посоветовали детскому тренеру взять его в клуб и хорошо кормить и оберегать, потому что из таких вот дворовых

мальчиков потом и вырастают Грецки, Лемье, Фёдоровы и Третьяки.

Ну что говорить, конечно, хоккей начинается и заканчивается коньками. Боже праведный, хоккейные коньки, да чтобы ботинок был высоким, как зимние ботинки – мы называли их «сапогами». Однажды на Сретенке, в магазине «Спорт» – а каждый день после школы я делал обход – Сретенка, Кировская («Динамо»), Покровка – о великое счастье, венгерские хоккейные ботинки, черные, с красной каймой, плотный задник щитков, мощный, жесткий нос! Нет, это, конечно, не Канада, не Швеция и не Финляндия и даже не чешский «Ботес», но всё равно это большое счастье, это значит начало положено. Сегодня я приду на дворовую коробочку как человек, а не в своём убогом старье.

Бегу в мастерскую «Металлоремонт». Дядя Артур без проблем подбирает мне лезвия, отечественные, но очень хорошие. Точит их под желобок, как положено у хоккеистов и фигуристов, и я, полный гордости и счастья, вхожу в квартиру на Чистых прудах. Взлетаю, как метеор, на наш высокий первый этаж, а живём мы как Хлестаков («Ах я и забыл, я же в бельэтаже живу»), и вдруг слышу характерный цок протеза и окрик: «Дверь не захлопни!» – сосед, дядя Ваня Пушкин – идёт с работы. И тут в голову мне приходит отчаянная мысль: «А крюку- то на клюшке жить осталось на одну игру, а то и на половинку». И я встречаю дядю Ваню, стоя в коридоре на коленях. «Дядь Вань, дядь Вань, а я себе на-

конец коньки купил». «Сколько отдал?» – строго спрашивает дядя Ваня. «Тридцатку с лезвиями», – выпаливаю я. «Понятное дело, – говорит дядя Ваня, – опять, наверное, Фаина Львовна деньги тебе сняла с книжки покойного Якова Александровича. А если ей не дадут пенсию как иждивенке мужа, что она кушать будет, может, ты её накормишь?» – Лицо дяди Вани сделалось суровым и строгим, но глаз светился охальным блеском. «Дядь Вань, мне бабушка только десятку дала, а остальное я марками выменял и на завтраках сэкономил», – выпалил я в отчаянии. – А ты почини мне крюк, пожалуйста. Он у меня почти совсем отвалился. Отец сказал, только ты можешь сделать, у тебя руки золотые».

В этот момент из квартиры Кузиных выпорхнула Вера Дмитриевна и, проносясь мимо, успела вернуться: «Ты что, паразит, ребенка травишь, тебе какое дело, откуда у него деньги на коньки!» На что Ваня запустил ей вслед: «У меня к тебе, Вера Дмитриевна, тоже вопрос имеется. Ты, сучка белогвардейская, скажи мне, куда делся во время войны сын твой старший, Зайцев Дмитрий Ляксеич, сын белогвардейского офицера? И вот с мужа твоего, Андрияна Тимофееча, мать его растак, мы строго спросим, по-партийному, как это он, гад ползучий, вагонами добра привёз из Польши, пока люди ноги на войне оставляли, как я, к примеру». Вихрем раздалось из длинного коридора, ведущего на кухню, со слезой и стоном в голосе: «Ты же знаешь, что Димочку еще до школы усыновил Андриан Тимофеевич и был он не Зайцев,

а Кузин Дмитрий Андрианович, а не Алексеевич, что никуда Димочка во время войны не делся, а пал смертью храбрых в боях под Сталинградом». Тут дядя Ваня стал без водки красный как помидор и заорал на всю квартиру благим матом и не без мата: «Врешь, паскуда, мне особисты смершевцы, когда допрос учиняли в сорок шестом годе, бумажку в нос совали, что сын твой без вести пропал под Сталинградом, а не пал смертью храбрых. Ух они меня чистили на допросе, а уверен ли я, что Дмитрий Кузин, урожденный Зайцев не предал Родину и товарища Сталина и не переметнулся к врагу Грозилися, если узнають чево, если я не полную правду сказал, то и второй ноги меня лишат за укрывательство врагов народа и предателей дела партии и товарища Сталина». Ну всё, пронеслось в моей голове, сейчас скандал будет на всю квартиру, а мне клюшку починить надо и кроме Вани это сделать некому.

Не успел я зайти к нам в комнату и раздеться, как влетела тетя Шура со сковородкой и закричала что есть мочи: «Фанни Львовна, из дома ни ногой и мальчишку не пускайте. Сейчас Ваня пойдёт Кузиных убивать. Он уже стакан принял, протез снял и двустволку зарядил охотничью. Рыжка милицию вызвала, а участковый сказал, что у них и так дел полно, кроме как чтобы пьяных ветеранов по квартирам разнимать».

Бабушка моя, при всей своей ненависти к Кузиным в целом и к Рыжке, в частности, выяснив у меня, что косвенной

причиной скандала явились мои коньки, немедленно отбыла к Пушкиным, и через пять минут у нас за столом сидел освежённый водкой Ваня без ноги, дядя Жорж (Георгий Абрамович Липскеров – о нём разговор отдельно) и моя бабуля. При этом обсуждался не скандал с Кузиными, а моё хоккейное будущее. Все трое были настроены крайне серьёзно. На столе немедленно появилась принесенная Жоржем четвертинка водки, которая была разлита по рюмкам, а Шура накрыла закуску.

Бабушка моя и в распитии, и в разговоре принимала деятельное участие. Начал Жорж, как самый большой в квартире спортсмен. А в зачете у Жоржа был первый лыжный переход Москва – Петербург еще до революции, когда он был слушателем Пажеского корпуса Его Императорского Величества. Был он также чемпионом СССР на байдарке-восьмерке и, как я понимаю теперь, для лет своих великолепно выглядел и был в отличной форме. «Фанни Львовна, – начал Жорж. – Фанечка, мы все знаем, мальчик на музыку ходить не хочет. Ни фортепьяно, ни скрипка, ни виолончель, ничего его не интересует». «Не хочет, не хочет, – заорал я что есть мочи. – И не буду ходить!». – «К сожалению, не хочет, – заявил спокойно расстроенным голосом Ваня, – А слух-то есть, мне Ефим Зиновьевич сказал».

Все повернулись в сторону Вани, потому что никто из присутствующих не мог даже и предположить такой его осведомленности в вопросах детского музыкального образова-

ния и существования живого контакта между слесарем Ваней и пианистом Ефимом Зиновьевичем. «Не буду! – повторил я в отчаянии, оглядывая всю честную компанию. – Не заставьте!» – в голосе моём появилась стальная твердость, которая никому ничего хорошего не предвещала. Ваня своим сыновьям в такой ситуации немедленно снимал штаны и со мной проделал бы то же, но бабушка не позволила бы меня и пальцем тронуть, а авторитет ее был в квартире на высочайшем уровне.

Жорж продолжил: «Мальчик очень хорошо и с огромным увлечением играет в хоккей. Я показывал его Аркадию Ивановичу из окна своей квартиры, и Чернышев сказал, что может быть толк». Тут я почувствовал, что завтра будет в школе, когда я передам ребятам слова великого Чернышева о моей персоне. Дальнейшее я слушал без особого внимания, но смысл сводился к тому, что меня отдадут в «Динамо», в детскую спортивную школу, разумеется, в том случае, если меня туда возьмут. Но так как отбор и приём происходят в конце лета, то сейчас я буду играть во дворе и на Чистаках. Жорж будет брать меня на стадион, когда он сам ходит на хоккей, а Ване поручается шефство над моей формой, потому что никаких связей Жоржа не хватит, чтобы мне достать настоящую амуницию. О, нищее моё хоккейное детство, юность и молодость! Ничего не было, ни щитков, ни краг, ни коньков, ни клюшек. В ассортименте по всей стране были только шайбы и подарочные клюшки с подписями хок-

кеистов сборной СССР размером с авторучку или карандаш.

Допив свою рюмку, Ваня встал на одну ногу и, воззрившись на Жоржа, заявил: «Ты давай, фотокор (Жорж был профессиональным фотокорреспондентом в газете «Советский спорт»), мне на один вечер принеси по одному всё, чего надо. Я так исполню, что у пацана за деньги будут торговать инвентарь. А ты, Фаина Львовна, не бойсь, по полной программе укомплектуемся, в сборной такого инвентаря нету, как мы на Михельсоне с работягами учиним».

До Отечественной войны был наш Ваня на заводе Михельсона слесарем самого высокого разряда, и хоть и сделал он себе специальный стул, чтобы работать, но не вышло из этого ничего. Не мог калека без ноги день за днём отстаивать смену слесаря. И стал наш Ваня учётчиком, и всё равно завод любил его, и на руках носили и работяги, и мастера, и инженеры, и начальство, потому что, когда надо было сделать что-то уникальное, вставал наш Ваня к станку и исполнял такую работу, что ни один с двумя ногами такого сделать не мог. Был наш дядя Ваня Пушкив мастером Левшой. Что и говорить, когда я уже занимался в хоккейной школе и мог себе выбирать инвентарь на складе, я продолжал носить форму сделанную, дядей Ваней Пушкивым вручную, потому что всё моё было удобнее, прочнее и, главное, легче не то что отечественного, а даже шведского или финского инвентаря. Скажу больше, когда сейчас в Торонто я захожу в специальные магазины или рассматриваю с интересом инвентарь и аму-

ницию знаменитостей и звёзд в музее хоккейной славы «Торонто Мейпл Лифе», я понимаю, что сделанное в 60-е годы нашим русским мастером Левшой, нашим Пушкиным Иваном Захаровичем, одноногим солдатом Отечественной войны, недоступно никаким фирмам, выпускающим хоккейную амуницию. И загнутый кривой хоккейный крюк на клюшку первым предложил никакой не Бобби Халл, а наш дядя Ваня Пушкин, который отдал задачу на расчёт, как он это называл, математику Исааку Айзиковичу, моему родному дяде, младшему брату отца, и получил в ответ гнутый крюк в виде эпюры, который и изготовил. Только мне не дали играть такой клюшкой. Тренер взял её в руки, покрутил, пару раз бросил ей по воротам и заявил: «С такой клюшкой тебя ни один судья к игре не допустит, она не по правилам, крюк-то кривой».

Прошло время. Шёл 70-й год, год нашего переезда с Чистых прудов в Измайлово. Вся квартира уже была с ордерами в карманах, все разъезжались. Старшие Кузины, Андриан Тимофеевич и Вера Дмитриевна, получили квартиру и съехали. В квартире доживали до отъезда их сын Вовка Кузин с женой и сыновьями, старший из которых – мой друг детства Димка, Пушкины с младшим сыном Вовкой, старший давно женился и ушёл жить к жене, а также Жорж, но уже без Кати, которая к тому времени скончалась, а он еще не женился второй раз, мы и тётя Шура. Приближалось 9-е Мая, День Победы, и бабушка моя попросила маму собрать у нас весь ма-

мин класс, который выпустился перед самой войной. Всех, кто остался жив, а они встречались каждый год на 9-е мая, пока их ноги носили. И они все пришли: и Бамик Фрумкин, профессор экономики, Юра Павлов, ракетчик, членкорр, директор института в системе Королева, дядя Лёня Котик, полковник, доктор технических наук, Лёва Жиц, военный прокурор, Нина Варакина, жена Юры Павлова, Юра Нагибин, к тому времени уже знаменитый на всю страну советский писатель, в школе он был Юрка Лилиенталь, и многие другие, имена которых стерлись в моей памяти. Все они сели за стол, и вдруг бабушка говорит маме: «Ирочка, надо позвать соседей, это же последний раз День Победы здесь, в этой квартире, вместе со всеми».

Загалдел весь мамин класс, все же всех знали, и Бамик Фрумкин с Юрой Нагибиным пошли звать Жоржа, Пушковых и Кузиных. Только Шура за стол как обычно не села, а встала у притолоки, держа в руках платок, и периодически подносила его к глазам и подплакивала, причитая: «Юра, Юра Нагибин, какой стал толстый, а был совсем сморчок, плевком перешибёшь, а Юра Павлов облысел совсем, а был блондин кучерявый, облучился, наверно, а Нина-то Варакина, откуда чего взялось, была-то ни сиськи, ни письки и жопа с кулачок».

Дверь в комнату открыта, и вдруг звонок. Шура бежит открывать. Через минуту возвращается и говорит маме: «Ира, там Мила пришла Фёдорова, просит чтобы ты вышла в ко-

ридор с сыном». Мы выходим с мамой из комнаты в коридор, я успеваю спросить: «Мама, эта та самая Фёдорова?» «Та самая, другой никакой нет, академик Академии меднаук, профессор, директор института эндокринологии, учёный с мировым именем, дочь расстрелянного в 37-м и реабилитированного в 55-м комкора Фёдорова, моя единственная в жизни подруга». В коридоре стоит высокая, очень стройная и очень красивая моложавая и шикарно одетая дама, которая всматривается в меня и говорит: «Как же ты похож на Якова Александровича, просто вылитый». «Да, я знаю, мне бабуля говорила, но только она говорит, что дедушка был интеллигентный человек, а я хам Чистопрудный!» – отвечаю я с задорной улыбкой на лице. «Я твоему покойному деду всем обязана, это он тогда не пустил в школу Иру, и она единственная не проголосовала за моё исключение из комсомола, в тот день, когда арестовали папу. А потом твой дедушка пришёл к нам домой, хотя это было уже смертельно опасно, и уговорил мою маму отправить меня к тётке в Куйбышев, где я закончила школу и мединститут, вышла замуж и вообще... спаслась».

Мать и дама тихо плачут, прислонившись к кузинскому шкафу. И вдруг мама говорит: «Мила, дорогая моя, сегодня такой день, 25 лет победы, все за столом, весь класс, все, кто остались живы, мама, соседи, мы скоро переезжаем в отдельную квартиру, Мила, ну прости ты нас, ну сколько же можно, 30 лет прошло.» Мгновенно высыхают слёзы на глазах ака-

демика, опять передо мной светская дама, красавица. Она поворачивается и достаёт из-за спины сверток, бумага летит в сторону, коробка, фирма «КОНО», настоящие хоккейные краги, хоккейные перчатки, чёрные с белыми вставками. У меня перехватило дыхание, я даже не в силах сказать «спасибо». Выручает мама: «Мила, зачем ты, это же стоит сумасшедших денег, да еще в валюте». Дама вглядывается в меня и говорит маме: «Ирка, посмотри, как горят у него глаза, почти как у Мишки Фелинбогина, когда он забивал гол в ворота Юрки Павлова во дворе Дворца пионеров на Стопани. Не жалко денег, а вдруг он станет новым Фирсовым или Славкой Старшиновым? «У меня перехватывает дыхание: «А вы знаете Старшинова?» – выпаливаю я что есть силы и скорости. «Нет, мой милый, это Старшинов знает меня, и ему в этом смысле здорово повезло, потому что я его вылечила после травмы, которая ему задела эндокринную железу. Всё, мои дорогие, я спешу, поклон тетечке Фанечке, дяде Жоржу и Шуре. И запомни, я ничего никому не простила и никогда не прощу. А тебе, Ирка, тиреоидин на пользу. Ты очень похудела и прилично выглядишь. Не вздумай бросить пить лекарство. И никого не слушай, раку нас с тобой еще не известно, будет или нет, а щитовидка у тебя уже есть. И ей надо помогать». После чего за Милой Фёдоровой закрылась входная дверь.

«Мам, мам, а что она так, что она должна простить и не прощает?» – затараторил я, пока мы шли по коридору в на-

шу комнату. «А то, – ответила мама, – что пока она была дочерью комкора, все ребята в классе дрались за то, кто будет нести её портфель и кто будет сидеть с ней за одной партой. А когда её отца, честнейшего и порядочнейшего человека, арестовали, то на комсомольском собрании её единогласно исключили из комсомола, потому что она не захотела отказаться от своего отца». Мне стало душно, и я спросил: «Ты тоже голосовала?» «Нет, меня твой дед запер дома и не пустил в школу, понимая, что я могу двинуться мозгами, если меня заставят поднять руку».

Мы вошли в комнату, я, гордо держа финские краги, мама, слегка понурившись. «Мама, тебе, дяде Жоржу и Шуре от Милы поклон и поздравления с Днём Победы». «Ира, мы знаем, что мы не заслужили, что Мила нас никогда не сможет простить, и она права», – дядя Лёня Котик, добрая душа под кителем полковника ракетных войск.

Все расселись, и тут, чего никогда не бывало, встал первым мой отец и заявил: «Пусть Ваня скажет, Ваня Пушкив – солдатский солдат войны, давай Ваня». И дядя Ваня встал, обвёл стол ясным еще взором и заявил, глядя на Вовку Кузина. «Я вот чего давно тебе хочу сказать, Вова. Всё как-то не получалось у меня, а дальше нельзя, некогда будет. Я твоих отца с матерью терпеть ненавижу, и они знают оба за что. И я про это сегодня, в светлый этот день, говорить не хочу. А хочу я, Вова, сказать тебе вот чего, вот они сидят сейчас здесь за столом у Фаины Львовны, весь Иркин клас,

все, которые остались. И твой брат, Дима, он тоже в ихнем классе же учился и с ими школу закончил и с ими воевать вместе пошёл. И они, Вова, ею ты должен знать, потому что, может, чего и забылося тебе, они все пошли, и в очках и с болезнями всякими, все как один. И ты знаешь, Вова, что брат твой не погиб по бумагам, а пропал без вести, и знаешь, что и отца твоего, и меня, и Жоржа, и Иру, и всех нас тут, всю квартиру трясли. Так вот, я скажу тебе, Вова, что брат твой геройски погиб за Родину, потому что не могло быть в этом классе, в этой квартире предателей, а если я чего когда не так кому сказал, так простите мене, я безграмотный, од-ноногий слесарь».

За столом стояла абсолютная тишина, которая прерывалась праздничными криками из окна и всхлипыванием тёти Шуры у притолоки.

Ваня, милый ты мой, дорогой Пушкив Иван Захарович, спасибо тебе за всё! Святой ты был человек и проживаешь ты, конечно, в раю с ангельским твоим характером и золотыми руками. Пусть земля тебе будет пухом!

Мишка

История эта случилась в Переделкино, давно и, возможно, в моём воображении. Дама, другого слова в русском языке нельзя найти, для того чтобы назвать это очень старое и ветхое создание женского пола, которое во времена доисторические окончило немецкую гимназию в городе Риге. Далее – революционная деятельность, Коминтерн, «товарищи» Зиновьев и Троцкий, 27 лет в советских лагерях как врагиня народа. Вильгельмина Людвиговна, фамилии нет, она стёрлась в памяти прошедших лет, партийная кличка «Мишка».

Мишка знала всех, ну просто всех – от Льва Давидовича Бронштейна (Троцкого) до Фиделя и Рауля Кастро. Ленин для неё был – «Да, мы говорили Ульянову, что всё это слишком рано, что Россия не готова!». Никто не знал, сколько ей лет, не по паспорту, а на самом деле. По паспорту было 95. В общем, с Лилей Брик она дружила и была на «ты». Командора, ах простите, Владимира Владимировича Маяковского она называла Володей: «Володя сказал, Володя привез Лиле машину из Берлина в подарок, Володя был такой смешной, такой высокий, нескладный и неуклюжий, и у него вечно что-нибудь падало из рук». Иногда она переходила на немецкий или на французский и, видя уныло безразличные непонимающие лица, спохватывалась и по-русски одергивала себя сама: «Ах да, как я могла забыть? Теперь же все ужас-

ные англomаны. Как вы можете наслаждаться этими унылыми английскими балладами?» – удивлялась Мишка, намекая на нашу любовь к «Битлс».

Представьте себе, что перед вами сидит живая история и при этом не в маразме, с прекрасным слухом и зрением, одета из «Березки», с наслаждением пьет водку и закусывает икрой, красной и белой рыбой и маленькими пирожками из дрожжевого теста, в самый раз на один жевок и один заглот после рюмки. Выпив по первой, по второй и наливая нам и себе по третьей, революционная старуха изрекает: «Что-то, мальчики, Родина совсем измельчала. Помню, до отсидки меня везде называли гражданка или товарищ. В этом обращении есть что-то грубо революционное, что-то от Робеспьера и Сен-Жюста. А вчера я ехала в троллейбусе, как обычно стояла как все, и мне передали деньги за билет со словами: «Женщина, передайте за проезд». Мальчики (младшему из нас тогда было около тридцати), вы не находите, что в словах «мужчина» и «женщина» есть что-то анатомическое?».

Она никогда не улыбалась лицом, на нём было слишком много морщин. Но её глаза, они горели и хохотали одновременно. Я смеялся до слёз после этого мишкиного рассказа о её путешествии в общественном транспорте.

Цветы в Иерусалиме

Это было после того, как мы разошлись с женой. Всё да-лось тяжело. Была депрессия, было чувство вины перед сы-ном, что не получится вырастить его. Было чувство вины пе-ред памятью отца, что не удастся вырастить его внука, как хотел бы отец, как надо было бы. Совсем не была безразлич-на жена, с которой прожито двадцать полных и, в общем, вполне счастливых лет. Почему счастливых? Да потому что пролетели они как один день, и если кто-нибудь спросит вас, что такое счастье, то вот и ответ на вопрос: счастье, это ко-гда живёшь с родным, близким, дорогим человеком и самую жизнь не замечаешь. И когда это кончается, то не можешь ответить сам себе ни на один вопрос. Почему, зачем, когда это случилось? Когда тебя разлюбили, а может, и не люби-ли никогда, а ты прятал голову в песок и ничего не хотел видеть и понимать. И вдруг, однажды ночью в полузабытье, тебя осеняет, а какая, собственно, разница, что и как было и почему. Зачем искать ответы на все эти вопросы, когда ни-чего нельзя уже сделать. Да и нельзя было бы ничего сделать, даже если знать, почему и зачем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.